

БАБУШКИНЫ ИСТОРИИ

20 тёплых рассказов
для чтения вслух

СЕРГЕЙ
ДИКОВИННЫЙ

Сергей Диковинный

Бабушкины истории

<https://litres.ru/74414013>

SelfPub; 2026

Аннотация

Дорогие читатели!

Честное слово, если бы не бабушки — я бы вырос совсем другим человеком. Без чувства юмора. Без умения рассказывать истории. Без любви к пирогам.

Но бабушка была. И теперь вы держите в руках результат.

Здесь собраны истории, которые моя бабушка рассказывала мне в детстве. Я их записал, немного приукрасил (ну, самую чуточку!), добавил тепла и подаю со свежими пирогами. Ну, с книжными.

Читайте, смейтесь, удивляйтесь. И помните: ваши бабушки тоже умеют рассказывать истории. Спросите их об этом завтра же.

Приятного чтения!

Ваш автор

Содержание

Глава 1	5
История первая. Про то, как я ставила двойки куклам	5
Глава 2	13
История вторая. Про мишку Топу, который завонял	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Сергей Диковинный

Бабушкины истории

Глава 1

История первая. Про то, как я ставила двойки куклам

Бабушка Вера сидела на кухне и вязала. Рядом с ней, за большим столом, накрытым клетчатой скатертью, сидела Маша. Маше было шесть лет, она только что прибежала с улицы — румяная, растрёпанная, с коленками, перепачканными песком. Но сейчас она сидела смирно, потому что перед ней стояла тарелка с бабушкиным пирогом — яблочным, с хрустящей корочкой и корицей.

Маша откусила огромный кусок, прожевала и, прищурившись, посмотрела на бабушку:

— Бабуль, а ты в детстве была хорошей девочкой?

Бабушка Вера не подняла головы от вязания. Она только чуть-чуть приподняла бровь и спросила:

— А зачем тебе это знать?

— Ну... — Маша замаялась, — мне просто интересно. Ты же теперь учительница. Ты всегда такая строгая, всё по порядку. Вот я и думаю — ты что, всегда была такой? Прямо с самого детства?

Бабушка Вера отложила спицы. Она сняла очки, протёрла их краешком фартука, надела обратно и внимательно посмотрела на внучку.

— Ну, если тебе так интересно, — сказала она, и в уголках её губ запряталась улыбка, — то слушай. Я, конечно, была послушной девочкой. Аккуратной. Любила порядок. Всегда помогала маме. И... — она сделала паузу, — почти всегда была хорошей.

— Почти? — Маша даже про пирог забыла.

— Почти, — подтвердила бабушка. — Потому что однажды я чуть не испортила свою любимую куклу. И ещё одного клоуна. Но это была не моя вина. Это он виноват.

— Кто?! — Маша пододвинулась ближе.

Бабушка Вера откинулась на спинку стула, сложила руки на груди и начала:

— Это было, когда мне было шесть лет. Такая же маленькая я была, как ты сейчас. И у меня была любимая кукла — Зина.

— Как у меня Катя! — подхватила Маша.

— Очень похоже, — кивнула бабушка. — Только у меня Зина была одна-единственная, а у тебя этих кукол — целый детский сад. Ну да ладно. Так вот, Зина была красавица: розовое платье, кудряшки, глазки голубые. Я её обожала. Я её кормила, купала, укладывала спать. Но самое главное — я её учила.

— Учила? Чему? — удивилась Маша.

— Всеми, что сама знала! — гордо сказала бабушка. — Я же собиралась быть учительницей, как ты знаешь. Вот я и решила: устрою для своих кукол настоящую школу. Сяду за учительский стол и буду их учить писать.

Маша представила бабушку маленькой, с косичками, как она строго сидит за столом, а перед ней — куклы. И захихикала.

— И что, они писали?

— А вот это была самая большая проблема, — вздохнула бабушка. — Куклы, видишь ли, не имеют рук. Это я сейчас понимаю, что это нормально. А тогда я думала, что они просто лентяйки.

Бабушка Вера встала, подошла к буфету, достала большую кружку с чаем, налила себе и села обратно. Маша ждала, не сводя с неё глаз.

— Я посадила своих кукол за маленький столик. У меня был такой столик, мне его папа сколотил из дощечек. Я разложила тетрадки — ну, это были просто листочки, я их разрезала пополам. Раздала карандаши. И говорю строго: «Дети, сейчас мы будем писать букву "А"».

— А они?

— А они сидят и молчат. Я ещё раз говорю: «Пишем букву "А"!» А они... ну, не пишут. Тогда я взяла Зину, взяла её за ручку, обмакнула её кукольный палец в чернила. В папины чернила, между прочим! И мы вместе с ней нарисовали букву «А». Правда, кривую, но зато настоящую — чернилами!

Маша представила, как кукла с синими пальцами рисует букву, и опять засмеялась.

— А потом была очередь клоуна Васи, — продолжила бабушка. — Был у нас такой клоун — Вася. Большой, мягкий, с красным носом и в смешном колпаке. И вот я ему тоже даю тетрадку. Говорю: «Вася, пиши букву "А"». А он... ну не хочет. Я его за ручку беру, а он не пишет. Я его уже и так, и сяк...

— А почему он не писал? — спросила Маша.

— Потому что он был мамин! — торжественно сказала бабушка. — Мама мне всегда говорила: «Вера, Вася — для красоты. Он не игрушечный. Его не надо учить писать — он у тебя на полке стоять должен». Ну а я что? Я тогда решила, что он просто лентяй. Захотелось, понимаешь, ему на полке стоять, а не учиться. Ну я и рассердилась.

Маша приоткрыла рот. Она уже догадалась, что будет дальше, но всё равно ждала.

— Я взяла мамину помаду! — объявила бабушка. — Красную, яркую, красивую. Открыла её, подошла к Васе и нарисовала ему на лбу большую жирную двойку!

Маша ахнула и прикрыла рот ладошкой.

— Прямо на лбу?!

— Прямо на лбу! — подтвердила бабушка. — Большую, жирную, красную двойку. Чтобы он знал, как плохо не учиться! Чтобы он запомнил! Я его ещё и в угол поставила — пусть, говорю, стоит и думает о своём поведении. Вот так я его наказала.

Маша представила: клоун с красным носом, в колпаке, стоит в углу, а на лбу у него — красная двойка. Она захохотала так, что чашка на столе задребезжала.

— А мама?! — выдохнула она. — Мама что сказала?

— А мама сказала... — бабушка Вера сделала театральную паузу, — мама пришла с работы. Это была среда. Она всегда в среду приходила поздно, я уже спала. Но в тот день

я не спала — я ждала, что Вася попросит прощения. А он не просил. Он стоял в углу и молчал. Гордый!

Ну вот, мама заходит. Снимает пальто, проходит в комнату и замирает. Смотрит на Васю. Потом на меня. Потом опять на Васю. И спрашивает очень спокойным голосом: «Вера, а что это у клоуна на лбу?»

Я ей отвечаю честно, потому что я же аккуратная девочка: «Это двойка. Он не хочет учиться писать. Вот я его и наказала».

Мама подходит ближе, разглядывает. И вдруг — начинает смеяться! Сначала тихонько, потом громче, потом — взхлёб! Она села на диван и хохотала, держась за живот, а по щекам у неё текли слёзы.

Я обиделась: «Мама, чего ты смеёшься? Это же серьёзно! Он не хочет учиться!» А мама сквозь смех: «Вера, это... это клоун... он для красоты... а ты ему — двойку!»

Она смеялась минут десять. Потом встала, взяла Васю, отнесла его в ванную и стала оттирать помаду. Она тёрла, тёрла, тёрла... Помада не оттиралась. Она только размазывалась и становилась бледно-розовой.

Мама вздохнула: «Всё, Вера. Теперь Вася у нас с родимым пятном на лбу». Я говорю: «Значит, он наказан навсегда. Так и будет ходить с двойкой». А мама: «Нет, Вера. Он просто теперь будет красивым клоуном с розовым пятном. И всякий раз, когда ты его увидишь — ты вспомнишь, что нельзя наказывать того, кто не виноват».

Бабушка Вера замолчала и посмотрела на Машу. Маша сидела с открытым ртом, забыв про пирог.

— И что было дальше? — прошептала она.

— А дальше я его долго не трогала, — сказала бабушка. — Вася стоял на полке и молчал. А я иногда на него поглядывала и думала: «Может, ты и не лентяй, а просто маленький ещё». А потом я подросла, пошла в школу. И знаешь, что я заметила?

— Что?

— Когда я стала настоящей учительницей, я вспоминала Васю. Вот сидит передо мной мальчишка, который не хочет писать буквы. И я ему говорю: «А знаешь, у меня дома жил один клоун. Он тоже не хотел учиться. Я ему поставила двойку — прямо на лоб. И он ходил с этой двойкой целый год. Хочешь, покажу фотографию?» И — представляешь? — все мальчишки сразу начинали писать. Потому что никто не хотел быть клоуном с двойкой на лбу!

Маша засмеялась, но потом стала серьезной:

— Бабуль, а ты его потом простила? Васю?

Бабушка Вера улыбнулась:

— Я его давно простила. Он же не виноват, что был для красоты. Я теперь всегда думаю: прежде чем ставить кому-то двойку — сначала разберись, а может, он просто не умеет. Или не хочет. Или он — для красоты.

Маша доела пирог, облизала пальцы и сказала:

— Бабуль, а я тебя не буду учить писать. Ты уже умеешь.

И тебе не надо ставить двоек.

Бабушка Вера обняла Машу и поцеловала в макушку:

— Вот и правильно, доченька. А теперь иди помой руки — они у тебя в яблочном повидле. А то будешь как Вася — с розовым пятном. Только не на лбу, а на ладошках.

Маша спрыгнула со стула и побежала в ванную. А бабушка Вера посмотрела ей вслед и незаметно улыбнулась. Она достала из кармана фартука старую-престарую фотографию, на которой была маленькая девочка с косичками, а рядом с ней — большой клоун с бледно-розовым пятном на лбу.

— Эх, Вася, — прошептала бабушка. — До сих пор тебя помню. Самого главного лентяя в моей жизни.

Она спрятала фотографию обратно в карман, поправила очки и пошла мыть посуду.

Глава 2

История вторая. Про мишку Топу, который звонял

Алиса сидела на диване и крепко прижимала к себе своего плюшевого зайца. Заяц был старый, с оттопыренным ухом и одним глазом, который когда-то оторвали, а потом пришили обратно — чуть криво. Алиса его обожала. Она гладила его по спинке и шептала что-то ему на ухо.

Бабушка Нина сидела в кресле напротив и читала книгу. Она была спокойная, аккуратная, всегда с прямой спиной. На носу у неё сидели очки в тонкой оправе. На коленях лежал плед — хотя в комнате было тепло, бабушка всегда укрывала ноги.

— Бабуль, — вдруг сказала Алиса шёпотом, — а ты когда-нибудь лечила игрушки?

Бабушка Нина отложила книгу и сняла очки.

— Лечила, — сказала она. — Но сначала скажи, зачем тебе это?

— Ну... — Алиса прижала зайца ещё крепче. — Мой зайка кашляет. Вот тут, — она показала на грудь зайца, — слышишь? Он кашляет.

Бабушка Нина наклонилась и приложила ухо к зайцу. Послушала.

— Да, — серьёзно сказала она. — Кашель есть. Но, похоже, это не зайка кашляет. Это у тебя в животе урчит. Ты обед доедала?

Алиса покраснела:

— Я котлету не доела. Она невкусная была.

— Ай-яй-яй, — покачала головой бабушка. — Котлету надо есть. А то зайка будет кашлять ещё громче. Но ладно, если ты хочешь узнать, как я лечила игрушки... — бабушка задумалась и посмотрела в окно. — Была у меня когда-то история. Про мишку Топу.

— Про мишку? — Алиса оживилась и под села ближе.

— Про мишку, — кивнула бабушка. — Это было очень давно. Мне было пять лет. И был у меня плюшевый мишка по имени Топа.

— Топа? Почему Топа?

— Потому что он, когда падал, издавал звук: «Топ!» Он всё время падал с кровати. Я его кладу спать, а он — бах! — падает. И так каждую ночь. Я его уже и подушками обкладывала, и одеялом заворачивала — нет, всё равно падает. Ну и назвала его Топа, потому что он — «топ-топ».

Алиса засмеялась:

— А мой зайка не падает.

— Ну и хорошо, — сказала бабушка. — Не падает — и не надо. Вот и мой Топа однажды не упал. А заболел.

— Чем заболел?

— А вот слушай. Однажды я проснулась утром, подошла к кроватке, где спал Топа, а он... лежит и молчит. Я с ним здороваюсь: «Доброе утро, Топа!» — а он не отвечает. Я его беру, а он... холодный какой-то. И тяжёлый. И не прыгает, не смеётся, ничего. Ну я сразу поняла: заболел!

Алиса округлила глаза.

— А что у него болело?

— Ну, я тогда долго думала. Я его и так, и сяк щупала. Потом говорю: «У тебя ангина». Я знала такое слово, у нас соседка болела ангиной, она ходила с замотанным горлом и говорила шёпотом. Вот я и решила: у Топы ангина. А ангину, я знала, лечат уколами.

Алиса ахнула и прижала зайца к груди:

— Уколами?! Мишке?!

— Уколами, — подтвердила бабушка. — Я же будущий врач! Я должна была его спасти! Я пошла в ванную, нашла там папин шприц — ну, знаешь, такой, без иголки, — и набрала в него воду из-под крана.

— Зачем из-под крана? — удивилась Алиса.

— А я не знала, что нужны специальные лекарства! — сказала бабушка. — Я думала, что главное — сделать укол, а вода — это вода, она лечебная. Ну вот. Я подошла к Топе, сказала ему: «Топа, сейчас будет немножко больно, но зато ты выздоровеешь» — и сделала ему укол.

— Куда?! — испуганно спросила Алиса.

— В живот, — сказала бабушка. — Там самое мягкое место. Потом в спину — для надёжности. Потом в лапу — потому что он же меня слушался. А потом я подумала: а вдруг у него и голова болит? И сделала укол в голову. Для профилактики.

Алиса приоткрыла рот и смотрела на бабушку с ужасом и восторгом одновременно.

— А он? — прошептала она.

— А он молчал, — сказала бабушка. — Героический мишка. Ни одного звука. Ну, я ему ещё и градусник поставила — ну, настоящий, под лапу. Подержала, вынула, посмотрела и сказала: «Тридцать шесть и шесть. Всё в порядке, температура нормальная. Просто ангина».

Потом я его замотала в одеяло, как следует, и говорю: «Спи, Топа. Завтра будешь здоров. Я тебя вылечу». Он лежит такой важный, замотанный, только нос торчит. Я рядом с ним села, погладила его, поцеловала в нос и пошла спать. Я была уверена — утром он встанет и побежит.

Алиса задумалась:

— А он выздоровел?

Бабушка Нина вздохнула:

— Он... он не выздоровел, Алиса. Он, наоборот, заболел ещё сильнее.

— Почему?!

— А вот слушай, что было утром. Просыпаюсь я — а Топа лежит мокрый. Я сначала думаю: что это? Потом трогаю... вода! Я же в него три укола с водой сделала! Вода наружу вытекла!

— Ой! — Алиса зажала рот ладошкой.

— Да, — кивнула бабушка. — Но это ещё не всё. Вода была не только снаружи. Она попала внутрь. А внутри у Топы — опилки. Опилки разбухли. Он стал тяжёлым и... кривым.

— Кривым?!

— Кривым, — печально подтвердила бабушка. — Вместо круглого пузика у него стал какой-то бугор. Лапа оттопырилась вбок. И голова набок съехала. И запах...

Бабушка Нина поморщилась:

— Запах, Алиса, был ужасный. Мокрые опилки — они так пахнут, что захочешь — не забудешь. Когда мама утром зашла в комнату, она сразу остановилась и спросила: «Нина, что это за запах?» Я говорю: «Это Топа. Он... потеет. У него ангина. Он потеет, потому что выздоравливает». А мама подошла к кровати, развернула одеяло... и увидела мокрого, кривого, распухшего мишку, от которого пахло вообще непонятно чем.

Алиса закрыла лицо руками:

— Ой, бабуля!

— Мама сначала молчала. Потом взяла Топу, понюхала его и сказала: «Так, Нина. Топа больше не Топа. Топа теперь — болотный мишка. Его надо сушить». — Бабушка вздохнула. — Мы его положили на батарею. Он там лежал три дня. Сушился, как бельё после стирки. Но опилки уже были испорчены. Они так и остались мокрыми внутри. И пахли — болотом.

Алиса посмотрела на своего зайца и крепко прижала его к себе:

— А что стало с Топой?

— Его пришлось выбросить, — тихо сказала бабушка. — Он уже не мог быть мишкой. Он был мокрый, кривой и во-

нющий. Я плакала целый вечер. А мама меня обняла и сказала: «Нина, ты хотела как лучше. Ты же врач. Но врач сначала должен понять, что болит, а потом — лечить. А ты сделала уколы здоровому мишке. Он не болел ангиной. Он просто был мишкой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.